

Осенний Кавказ – 2016

И. Дадыкин

*Как свищет ветер осенний!
Тогда лишь поймете мои стихи,
Когда заночуете в поле.
Мацуо Басе*

06 ноября

Эта поездка на Кавказ началась не так, как другие. Явка была провалена не только Назаром, который просто не поехал, но и Петровичем, который перепутал день отправления. Так или иначе, мы провели сутки в поезде вчетвером: Полина, Люша, Чумичка и ваш покорный слуга.

Нельзя, однако, сказать, что мы были предоставлены сами себе. Скучать нам не давал хореографический коллектив с сомнительным названием «Fashion», ехавший с нами в одном вагоне. Коллектив представлял из себя стадо болезненно пухлых детей и нескольких тертых жизнью родителей, которые не стеснялись ни в выражениях, ни в средствах, чтобы держать эту ораву в подчинении. Все это бродило, бегало, ползало по вагону, ныло и канючило, болтало и хохотало.

Мы добрались до Туапсе в третьем часу ночи и встретились на вокзале с Петровичем, прилетевшим на самолете. Забравшись в роскошный внедорожник, мы покатали по ночной дороге в Терзиян. Водитель сначала пытался развлекать нас разговорами, но мы не были к этому расположены, поэтому он усаждал наш слух шедеврами русского шансона. Чем дальше в горы, тем сомнительнее становились композиции. И вот, когда одна из песен уже готова была перейти от двусмысленности к полной недвусмысленности, мы, наконец, покинули нашу карету. Случилось это через пару километров после Терзияна, по дороге в Алтубинал. Мы спустились в пойму р. Пшиш и там переночевали.

07 ноября

Утро не предвещало ничего радужного: небо было как будто ватой затянуто, река недружелюбно шумела за нашей спиной. Но, когда мы тронулись в путь, погода немного разошлась, стало проглядывать солнце и потеплело. Двигаясь в сторону верховий Пшиша, мы пересекли его приток – Караковскую Щель. Этот брод заставил меня порадоваться наличию болотников, а других участников прогулки — непромокаемым штанам. И только у Чумички не было ничего, и она бодро шлепала через реку в коротеньких сапожках. Если мы с трудом перешли какой-то приток, как же будем форсировать сам Пшиш на пути к Алтубиналу? Под влиянием подобных раздумий мы решили не двигаться к Алтубиналу, а подойти к Шесси с запада, свернув на поднимающуюся на юг лесовозную дорогу.

Все было на мази до тех пор, пока путь нам не преградил ревущий поток. Это были верховья Большого Пшиша. Мощное течение и солидная глубина не позволяли перейти его вброд. Тогда было решено свалить пару деревьев, натянуть поперек реки веревку и таким образом соорудить мост, что мы и сделали.

Пока мы обедали, пилили деревья, укладывали их поперек и глазели на пересекающую реку Петровича, погода совсем испортилась, но мы бодро пошли вверх по дороге и шли без особых приключений до вечера, как вдруг пошел снег. Мы шли и шли, а снег только надавал мощности. Лагерь решили устроить на полянке, поросшей ежевикой и падубом. Неподалеку росло дерево-патриарх: гигантский бук четырех или пяти обхватов толщиной, правда, с обломанной верхушкой. Мы с Петровичем пошли за дровами, а Полина, Чумичка и Люша принялись вешать тент. Погода слетела с катушек, снег лишь усиливался, деревья были мокрые насквозь. Мы собрались под тентом и сушили вещи. В этот день и последующие я не раз мысленно проклинал Бернулли и его законы, которые не позволяли дыму выходить с того края тента, где был разведен костер.

08 ноября

Утро было на удивление спокойным в плане погоды. Выпавший на поляну снег почти весь растаял. Мы еще раз подивились на огромный бук и двинулись дальше наверх, в сторону Главного Кавказского хребта. В какой-то момент мы обнаружили на дороге припорошенного снегом ежа, который, впрочем, оказался живым, хоть и сонным, и даже пытался уколоть взявшего его Петровича. Представившаяся далее глазам очевидцев картина была достойна пионерского журнала: Петрович, как заправский Аттенборо, перенес ежа с дороги в сторонку и присыпал там снежком. Впрочем, мне эта процедура больше напомнила эксгумацию.

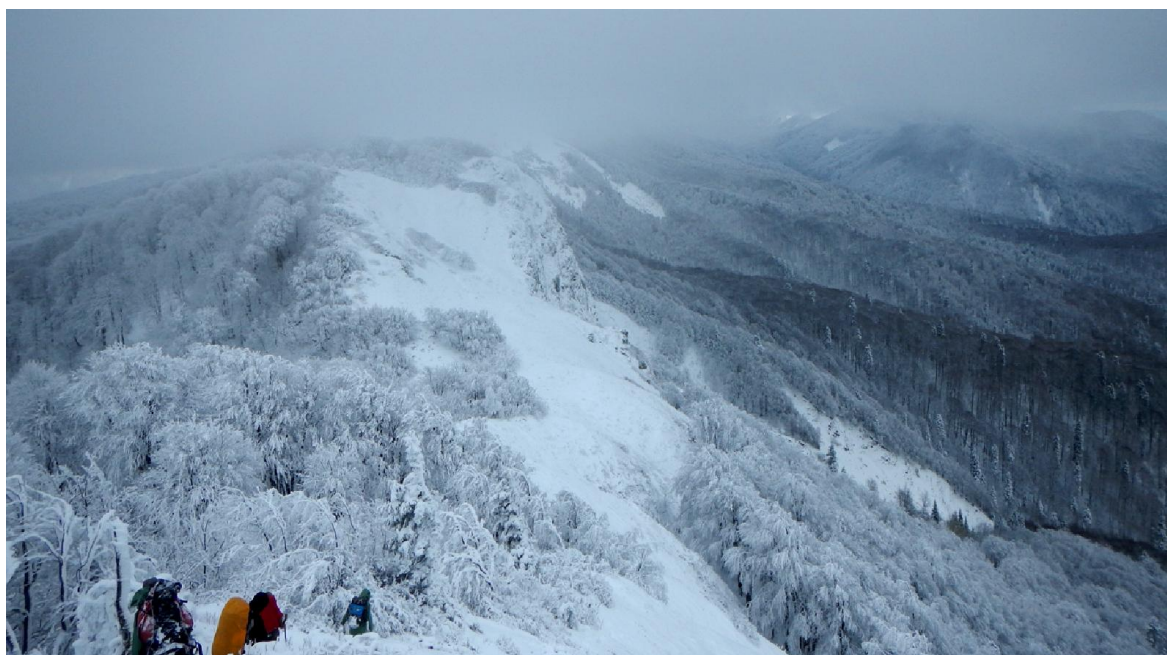
С высотой привычный буковый лес сменился пихтарником, казавшимся издали черным под белым снежным покрывалом. Чем дальше мы шли, тем больше становилось снега под ногами. Сперва его было совсем немного, но часам к 10, когда мы вышли на большую поляну, откуда расходилось несколько дорог, сугробы были уже сильно выше, чем по щиколотку. Здесь мы оставили рюкзаки и налегке отправились к горе Шесси, чья вершина считается высочайшей точкой Туапсинского района (1855 м). Восхождение было долгим, главным образом из-за сугробов, но в конце концов мы добрались до границы пихтарника и альпийских лугов, где снега было выше колена. До вершины оставалось еще около 70 м по вертикали, но мы решили повернуть обратно. И правильно сделали, потому что нас накрыла снежная туча.

Во время спуска снег то прекращался, то возобновлялся, но когда мы вернулись к рюкзакам, валило вовсю. Мы двинулись вдоль ущелья реки Гогопсе и устроили стоянку в небольшом распадке под прямо-таки новогодним снегопадом. Сухих деревьев почти не было; пришлось валить пихту и пилить ее на куски. Под тентом вечером чадило немилосердно, а когда мы ложились, я обнаружил, что мой спальник промок. Не скажу, что это была самая приятная ночь в моей жизни, но зато я раз и навсегда сформулировал для себя «Правила выживания с мокрым спальником», первое и главное из которых гласит: «Никогда не мочи спальник!». Чумичка решила всех повеселить и среди ночи разбудила Полину, чтобы сообщить, что у нее тоже промок спальник (хотя это оказалось неправдой). Полина, впрочем, посылка не оценила. Так шутка про мокрый спальник стала лейтмотивом нашей поездки.

09 ноября

Утро было ясным и *очень* холодным: все мокрые вещи, включая тент, схватились по поверхности ледком и похрустывали. Мы двинулись вверх вдоль Гогопсе и пересекли один из ее притоков, а затем по отрогу стали подниматься на Главный Кавказский Хребет. Внезапно мы наткнулись на чьи-то совсем свежие следы, которые шли нам навстречу, что было очень кстати, ведь сугробы здесь были уже по колено. Мы очень радовались и удивлялись одинокому и, по-видимому, бывалому путнику, с которым неведомо как разминулись, пока не увидели у следов аршинные когти — тропа оказалась медвежьей.

Мы поднялись на кромку хребта и попытались пройти по ней на запад, чтобы затем спуститься в долину ручья Джако, однако сумели преодолеть лишь около шестидесяти метров по горизонтали. Сугробы превратили наше предприятие не то чтобы в невыполнимую задачу, но, во всяком случае, в долгое и непростое приключение. Вдобавок оказалось, что спуститься с южной стороны хребта нам не позволяют крутые склоны. Нам пришлось пройти по склону на запад вдоль обрыва, прежде чем мы наткнулись на более-менее подходящий спуск. И до вечера мы спускались на юго-запад, перевалив г. Разрубленный Курган и то и дело натываясь на новые следы медведей. Заночевали на поляне с первосортными сухими

буковыми бревнами, но без ручья. Ночь была ясной, и Петрович высматривал свои звезды, хотя деревья ему явно мешали.

10 ноября

Утром мы продолжили спуск в западном направлении. Снега (о чудо!) становилось все меньше и меньше, и после того, как мы пересекли очередную щель с крутыми склонами, он кончился совсем. Удалось, наконец, снять опостылевшие болотники и сменить их на ботинки, не видевшие света с самого поезда. Так мы спустились до верховьев реки Шоукай и перешли ее в единственном месте, где не громоздились обрывистые склоны и каменные глыбы. Затем мы вновь стали подниматься на север и достигли границы, где лежал снег. Но это был уже не тот снег, что на главном хребте. Ноздреватый, влажный, он был настолько безобиден, что мы с Люшей остались в ботинках.

Среди буков появились вкрапления каштанов с большими разлапистыми желтыми листьями и шершавыми стволами. Под ногами стали попадаться россыпи плодов, сходных по общему плану с конскими каштанами, но усаженных длинными острыми шипами, как ежи-диадемы. Впрочем, плоды валялись в основном отдельно от колючей оболочки, но их было слишком мало, чтобы набрать вдоволь.

Мы против часовой стрелки обошли гору Джарыма, на западном склоне которой пообедали, и стали спускаться в долину р. Большая Наужи через хребет Поперечный Шпиль. Под вечер мы попали в рощу карликовых дубков, которые в живописном беспорядке усеивали склон, посыпанный сухой мергелевой крошкой. Здесь, на прогретой солнцем покатоной площадке под сенью ярко-желтой дубовой листвы, не верилось, что еще накануне мы, спотыкаясь, ползли в царстве зимы.

Мы спустились в долину ручья Черные Сыпцы, где и заночевали. Ночь была ясная и теплая, мы впервые смогли развести костер не под тентом, поэтому он не дымил. Звезд было гораздо больше, чем предыдущей ночью, и Петрович снова ходил их смотреть.

11 ноября

Трудно описать радость человека, который день за днем сворачивает по утрам обледенелый или просто насквозь мокрый тент и однажды обнаруживает его в сухом и теплом состоянии. Но это утро началось именно так.

В этот день мы попали в каштановый лес, и вот тут-то нам удалось, наконец, набрать по мешочку каштанов. Всем, кроме Полины, которая ничего не собирала, а только показывала нам дорогу.

Мы прошли по заброшенной дороге вдоль реки Большая Наужи до впадения ручья Анюткина Щель. Затем мы стали подниматься на гору Раздѣры, недаром получившую свое имя. В романах писателей вроде Майн Рида или Луи Буссенара часто можно встретить умствования героев по поводу колючей растительности. Пожалуй, описание этой горы стало бы в их устах шедевром. Около сорока минут мы взбирались по склону без намека на тропу, продираясь сквозь рододендроны, боярышник, переступая через ежевику и, в особо благоприятных случаях, через смилакс.

Наконец, мы одолели подъем и, пройдя вдоль небольшого хребта, обозначенного на карте как Джешохабль, спустились в северо-западном направлении к броду на Малой Наужи. Погода снова стала портиться, да вдобавок дорога принялась вихлять то на один, то на другой берег реки. У Петровича и Люши сапоги оказались с дырами, Полина тоже быстро начерпала короткими сапогами. Чумичка же под конец просто закатывала свои промокаемые штаны до колен и шлепала через речку, не обращая внимания на залившуюся в сапоги воду. Мне было смешно смотреть из своих болотников, как они мучаются.

Дождь лил уже всерьез, он промочил лежавшие на тропе во множестве каштаны, и собирать их уже совершенно не хотелось. Мы двинулись от реки на запад и, поднявшись на пригорок, остановились у тропы, ведущей в Большое Псеушхо. Дождь, ливший весь вечер, часам к 10 прекратился и позволил нам спокойно улечься на ночлег. Но тент с утра все равно был мокрый.

12 ноября

Собрав вещи, мы отправились по дороге в Большое Псеушхо. Погода была какая-то непонятная, не то пасмурная, не то ясная. Долина Псеушхо была густо затянута белесым одеялом тумана, из которого торчала гора Пеус и верхушки гор пониже. Издалека это было очень похоже на большое озеро с несколькими островами. Часа через два, встретив по дороге группу туристов и троих охотников, мы пришли в поселок, где еще два часа ждали автобуса, греясь под нежарким ноябрьским солнцем и созерцая Пеус. Петрович с Полиной отправились за провизией и притащили местного сыра и довольно вкусного молока.

На автобусе мы доехали до Туапсе, где забежали на базар и купили ящик хурмы в поезд. Хурма оказалась на вкус совершенный мед, она таяла во рту, и мы умяли ее в один присест. А так обратный путь прошел в общем без приключений. Мы прибыли в Москву в половину двенадцатого ночи.

В жизни хорошее все время чередуется с плохим, и наоборот. Но удивительно, как быстро стираются все негативные воспоминания из памяти! И вот словно не было смрадного пихтового дыма, и пробирающего до костей снежного облака на вершине хребта, и ног, бредущих верной дорогой к обморожению. Не в этом ли человеческое счастье, не в этом ли причина всех открытий и свершений человечества, которое забывает о суковатой дубинке, бившей его по лбу не раз и еще не раз стукнувшей когда-нибудь? А помнит счастливое человечество только чудный узор годичных колец на ее отполированной от использования поверхности. Вот почему люди отправляются в походы, вот почему поеду на Кавказ и я.